

Я не смог сразу вернуться домой. Мне было очень больно и плохо. Никогда еще за всю службу мне не было так плохо! Я убил человека, плохого или хорошего, неважно, но он был настоящим человеком. Он не пошел против самого себя, а служение новой власти в лице большевиков воспринимал именно как пойти против себя. Против страны, против народа. Влезая в это добровольческое движение против большевиков, он знал наперед, как и что будет, но, видимо, думал, что сможет держать под контролем своих людей. Но люди, после известных событий начала семнадцатого года, сошли с ума. Да, формально они вроде как служат Белому движению, но своеобразно. Наверняка у того же Анненкова, Семенова и прочих одиозных атаманов ситуация похожая. Они вроде как командуют, но возмись они навести порядок в своих частях, запретить грабить и убивать, их поднимут на штыки собственные солдаты. Тут, как говорится, вход — рубль, а вот выхода нет вообще.

Большинство маргиналов восприняли весь этот переворот как разрешение всех их проблем. В людях открылись самые гнусные, самые мерзкие качества, какие только могли быть. То, что получилось после революции, слишком сильно отличалось от привычной жизни, вот народ и не выдержал. И ведь это не только в армии, на гражданке такого тоже хватает. Кто-то завидовал соседу, кто-то даже ближайшим родственникам, вот и понеслось дерьмо по трубам. Грустно это все и... Страшно.

И одновременно с этим находятся люди честные, на наше благо, именно в стане большевиков. Ведь как... такая анархия была после семнадцатого года, а взять хотя бы службу Дзержинского... Люди идут служить в ЧК не просто за паек, есть и очень идейные, мечтающие побороть преступность и добиться лучшей жизни для общества. Думаете — фантастика? А вот и нет, сам убедился и не раз. Молодые парни, работающие по городу, пытающиеся расследовать преступления и одновременно грызущие гранит науки, под руководством тех немногих опытных сотрудников, что остались живы и приняли новую власть. И так везде. Кто-то идет в ЧК, кто-то на заводы и фабрики, всегда найдутся такие личности, благодаря которым общество переформируется и вновь начнет жить нормальной жизнью.

Вольница бандитская скоро закончится, давить ее будем еще долго, но обязательно раздавим. Если бы все было иначе и люди шли в ЧК только за властью и возможностью безнаказанно грабить, то из кого бы сложилось затем НКВД-КГБ-ФСБ? Вот об этом и говорю, что не все так плохо.

* * *

Сработали мы с Иваном чисто, причем он предлагал мне не участвовать, видя мое настроение, но я отказал. Почему-то я знал, что имею право на такое, только я. Можно сказать, Марков заранее простил меня за этот поступок. Невероятной души человек, оттого мне и плохо сейчас, аж есть не могу. Не знаю, что это было, симпатия с самого начала, как увидел его еще тогда, на войне в пятнадцатом году, или что-то другое? Я просто чувствовал, что в душе этот человек совсем другой, не жестокий убийца, каким его рисовали в моей истории, а именно — человек. Радеющий за страну, армию и народ. По-своему, может, и не так, как стоило бы, но искренне. Мы все разные, и у каждого из нас свой взгляд на тот или иной предмет, поэтому нельзя так просто и категорично о чем-то заявлять. А тем более судить, как мы в будущем, с высоты прожитых лет. Сам такой, хоть и тяжело это признать.

Отпустив нас тогда в Калаче, Марков знал, что мы уедем недалеко. Так и вышло. Обогнали войска белых и въехали в Царицын. Приняли нас вновь грубо, но от этого печально было именно тем, кто принимал, мы с Ванькой не собирались более терпеть выходки всякого отребья, каким-то чудом оказавшегося при власти. Кажется, пару рук и ног все же поломали, но это малость. Когда по нашу душу прибыли те, кто всерьез уже мог что-либо решать, я потребовал встречи с главным начальством, тем, кто отвечает за оборону города, и спустя каких-то полчаса меня принял Фрунзе. Надо признать, что случилось это довольно случайно, он просто оказался поблизости и услышал мой громкий и дерзкий голос, только благодаря этому встреча и состоялась. Его настойчиво прятали от меня или меня от него, но все же мы свиделись. Творился в городе беспредел, как мне показалось, никто толком ни за что не отвечал, но делал такой умный и деловой вид, что аж тошно было. Наши бумаги из столицы просто игнорировали, и было просто чудом, что мы встретились с главнокомандующим.

Говорили мы долго... Из Москвы товарища Фрунзе о нас предупреждали, и он ждал, но встреча случилась только сейчас. Обещал разобраться с теми, кто препятствовал.

Я рассказал ему о глупости его подчиненных, которые встретили нас в первый раз, Михаил Васильевич долго ругался, поминая комиссаров не очень приятными на слух словами. Дальше — больше.

Я сообщил о подходе войск Маркова и о том, что нас с Терещенко банально слили. От этого Фрунзе пришел в еще большую ярость, и следующая новость о барыгах, постоянно вывозящих продовольствие из Царицына белым, прошла уже легче. Михаил Васильевич не особо распространялся, но дал понять, что работа идет и в этом направлении, и помог ему тут с этим Дзержинский, прислав из столицы группу чекистов с приказом вывести всю эту контру на чистую воду. Люди работают, хоть меня и удивляло это, но дело обстояло именно так.

* * *

Белых в городе ждали. Ждали и готовились к нападению. Войнушка случилась жестокая, но достаточно короткая. На второй день наблюдений за полем боя, — а ударили марковцы вдоль Волги, с севера, перерезав перед этим дорогу к столице, — мы с Иваном заметили его. Того, за кем сюда и приехали. Он словно специально... Да, блин, я уверен, что специально находился во главе армии, на белом коне и направлял войска

своим примером. Поставил точку в своей жизни, как и говорил я сам.

Мы с Ванькой занимали старую разбитую водокачку в селе, примыкающем к городской черте. Тут вообще черт ногу сломит, в будущем это будет район Волгограда, сейчас — деревня деревней, да и сам Царицын почти весь деревянный, но красивый, зараза. До цели было больше трехсот метров, но это и хорошо, я не видел лица, иначе рука бы дрогнула. Стрелял остроконечной, не хотел рвать Леонидовича, мои тупоносые для врагов, а не для бывших друзей. А его считал если и не другом, то точно не врагом. Попал туда, куда целился, в грудь. Пуля, быстрая и острая, на таком расстоянии даже не выбила генерала из седла. Он просто откинулся назад, а затем опустился телом на шею коня. Белая папаха слетела с его головы и плюхнулась под ноги коня. Красивая смерть, хоть и невидимая для лихого генерала. Надеюсь, он даже не понял, что произошло, земля ему пухом.

Вокруг тела убитого Маркова началась суета, но не особая. Конница продолжала идти вперед, на пулеметы и пушки, становилось жарко, и мы осторожно ретировались. Бой был, но достаточно скоротечный. К вечеру пришли новости, что армия Маркова отошла на бывшие позиции и встала

в оборону. Стреляют из пушек по городу, в Царицыне пожары и разрушения. Новость принесла и причину остановки, все подтвердилось, прославленный генерал погиб, в штабе Фрунзе царило ликование, но мы с Ваней тихонечко покинули этот праздник, не для нас он. Да и рано веселиться, армия никуда не делась, как вломят завтра поутру, будет вам, товарищи большевики, праздник.

С самого утра, объяснив Фрунзе свою идею, получили в помощь взвод солдат из старослужащих, тех, кто еще недавно немца давил на фронте, и отправились назад, в Новочеркасск. Я так и сказал Ваньке: раз уж так случилось, что мы уничтожили Маркова, то уж тем, кто на самом деле был для нас врагом, точно не жить. Мы ехали за Красновым. Да, тот сидит в Новочеркасске со своими казачками, но ему это не поможет.

Побывав в городе, хоть и недолго, мы немного знали, где и что находится. Торопились по одной причине — похороны и отпевание Сергея Леонидовича состоятся послезавтра, разведка и у большевиков работала. Кстати о разведке... Сообщили в Москву, лично Деникину, о первоначальном провале, требовали принять меры по расследованию предательства. Тот позволил

себе даже выругаться, но не на нас, а на за-
таившихся врагов, обещал навести порядок.

Наш взвод хоть и был переодетыми сол-
датами, но внешне они все же походили на
казаков. Да, вряд ли умеют так же ловко
драться верхом. Для солдат лошадь — ско-
рее средство передвижения, чем боевой по-
мощник, но все же мы не должны бросаться
в глаза настоящим казакам. Да и траур у них
тут, наверняка половина будет пьяней вина.

Улица, под прямым углом, словно луч
или копье, оканчивалась красивым собором
в центре города. Народу... Наверное, Ленина
меньше хоронило, и ведь это еще не похоро-
ны и не отпевание. Сочувствующее подполье
предоставило нам квартиру в деревянном
двухэтажном доме, на этой же прямой, но
довольно близкой от собора улице, и наша
работа на первый взгляд выглядела невы-
полнимой.

— Я бы лучше подорвал их всех, разом,
и ничего мудрить бы не пришлось, — за-
явил нам командир взвода нашей охраны,
ну или сопровождения. Мужик немолодой,
с плешью под кубанкой и длиннющими уса-
ми — куда там Буденному.

— Зачем мирняк убивать, нехорошо
это, — заметил я в ответ. Многие вообще не
рассматривали жертвы среди простого люда

как что-то плохое, их как будто бы и нет, этих самых мирных граждан. Я так не могу.

— Да ты посмотри, командир, как они все бесятся!

На площади перед собором и вправду стояла нездоровая суета.

— Они же все здесь за белых! И как нам с ними потом жить? От них же всю жизнь будешь ждать удара в спину или яда в чашку. Не дадут они нам спокойно жить потом, да и людишек наших трепать не перестанут...

И это, к сожалению, тоже правда.

— Когда мы придем, будем обязаны показать себя лучше, чем были эти, — я указал на стройные шеренги конных казаков. — Принесем с собой достаток и заботу, покой и внимание к простым людям, получим в ответ лояльность местного населения. Будем гнобить их, грабя и убивая, как делают белые в наших селениях, добьемся похожей реакции, они встанут против нас с оружием в руках. Оно нам надо?

Командир промолчал. Хоть и говорил я такое, да сам был не очень в этом уверен, всякое тут будет после установления советской власти.

Дом был очень хорошо расположен, но не для акции с таким количеством народа на улицах. Ванька сейчас шарится где-то побли-

зости, ищет подходящее место, нам нужна высота. Найти такое место здесь, на главной площади города, довольно проблематично, застройка-то вся деревянная, даже двухэтажное здание — скорее исключение.

— Нашел, — прибежал через пару часов Малой. — Нашел, но нужно готовить.

— Нужно, значит, приготовим, — констатировал я. Это ж не полигон, конечно, надо что-то подготовить.

— Надо дерево подрезать, точнее, ветки, и на разном уровне. — Ванька, общаясь со мной с пятнадцатого года, совсем изменил манеру разговора.

Здесь-то я описываю своим языком, даже чужую речь, но Ванька и так говорит гораздо современнее всех местных. А вот помню Старый ни фи́га не перенимал мои обороты и словечки, считал половину из них неподходящими, а вторую половину — пошлыми, постоянно оговаривал парней, когда они болтая вврачивали что-то из услышанного от меня. А вообще, как мне показалось за годы в этом времени, люди довольно легко перенимали мою манеру разговора и отдельные словечки. Все же раньше, до революции, язык был куда мудренее, большевики правильно сделали, когда изменили его в моей истории, да и здесь скоро проведут реформу.

— Помочь?

— Сам справлюсь, но надо присмотреть за мной.

— Бери пару бойцов и, как стемнеет, вперед, — сказал я свое слово.

Отвлекающий маневр, а по сути самое опасное из того, что предстояло проверить, лежит как раз на наших бойцах сопровождения. Завтра, во время выхода процессии из собора, они должны поднять шухер где-то поблизости от площади, привлечь к себе внимание. Без этого, увы, наша работа окажется точно последним разом. Как сообщил Ваня, место для стрельбы он обнаружил совсем рядом. Это вновь была водокачка, превратности судьбы, не иначе. Но на линии выстрела растут деревья, конкретно тех, что нам мешают, сразу два. Мы проделывали нечто подобное, и Малой знает, что надо делать, тем более сам и предложил. Если Ваня говорит, что нужно подрезать ветки, значит, общая видимость есть, но для выстрела рисковать не стоит. Сделает «окна», через них и отработаем. А отвлекающий нужен, так как дистанция всего двести метров. «Банки» у нас для винтовок есть, но они больше для гашения вспышки, звук почти не глушат, это не полноценные глушители, но благодаря тому, что расстояние столь мало, использовать будем ослабленные патроны со спиленными носиками у пули.

После тренировок и подгонки вооружения в школе, в боевых условиях этим комплектом мы еще не работали, поэтому нужно вновь сейчас выползть из города и, отъехав подальше, испытать и вновь пристрелять стволы. А это опасно. Ходить туда-сюда во вражеском окружении сложнее, чем просто прийти и, сделав дело, уйти. Но без этого нельзя. Хорошо, есть прикрытие сейчас, и если кто-то до нас докопается, постараемся устранить по-тихому, не привлекая внимания. Вообще тут кто только не шатается. Военные всех родов войск, дезертиры и гражданские, бабы и старики, дети, народу жуть как много.

Выехали перед закатом, с пристрелкой мы вполне справимся и в темноте, отработывали такое. Возле мишени ставим свечку или разводим небольшой костерок, главное, чтобы мишень было видно, остальное уже не важно. Стрельба ведется с трехсот шагов, прицел светлый, мишень подсвечена — чего еще надо? Правильно, найти место и быть незамеченным, вот что главное сейчас.

— Эй, хлопцы, вы откель ехаете?

Накликал все же. Уже ведь почти уехали, последние хаты остались за спиной, и вдруг четыре рыла на лошадях... И откуда?

— С городу вестимо, — бросил я. Теперь нужно немного заболтать этих ухарцев, что-

бы прикрытые наше успело подойти ближе. Ребята идут за нами вслед, но на расстоянии. Кстати, а почему так? Ведь если бы мы ехали всей толпой, мелкие группы казаков, наверное, и не обратили бы внимания на нас. — Надо друзьям передать о завтрашнем процессе в соборе. Сергея Леонидовича помянуть.

— Эт да, суки красные, добрались все же до нашего генерала! Знаете, что эти убивцы были у нас в руках? Их в Ростове взяли, а по пути к Царицыну они сбежали. Помогли им, предатели. Ну ничего, их дружка завтра утром перед поминовением вздернем на площади!

— Хорошее дело, кстати, братишки, а не подскажите, Петр Николаевич, наш уважаемый атаман, будет ли? — закинул я острожно, как мне казалось, удочку.

— А ты кто такой, вообще? Братишкой он нас называет! — внезапно встрял в разговор еще один всадник, державший, между прочим, винтовку на сгибе руки. Морда злая, то ли с похмелья великого, то ли просто пьяный, но оружие держит крепко.

— А шо, не видно, красный партизан я, кто ж еще-то тут ездить может, среди таких красавцев-казачков! — попробуем наглеть.

Когда нас тормознули, пистолет почти сразу был готов, только в руку возьми. Пока

трепался и проделал это действие, на всякий случай. И вот время пришло.

— Ну-ка, говорун, поехали-ка до комендатуры, а там посмотрим, партизан не партизан, на роже у тебя не написано!

Винтовка в его руках пришла в движение, да только поздно. Расстояние между нами всего несколько шагов, я даже руку поднимать не стал, а просто направил кольт в сторону угрозы и сделал выстрел. Казак, получивший тяжелую пулю из колта, мгновенно обмяк, винтовка выпала из рук, но не на землю, повисла на ремне. Хлопок был сигналом к атаке, и наши помощники, а стрелять я решился именно из-за того, что ребята подъехали, тут же направили стволы своих винтовок на казачков.

— Э-э-э, вы чего творите? — засипел тот, что и заговорил со мной первым.

— Как чего? — делано удивился я. — Убиваем вас, мы ж партизаны!

— А-а... — попытался закричать всадник, но я уже прицельно выстрелил ему в грудь, прерывая крик. Двое оставшихся винтовки даже не начали поднимать.

— Ответите на вопросы, я отпущу, ясно?

Набычились, ха, нашел кому диктовать условия.

— Убивай, гад, ничего не услышишь! — взяв себя в руки после легкого ступора,

произнес один из них, схватившись за шашку.

— Зачем? — пожал я плечами. — Сейчас тряпку в рот и срежу каждому пальцы по одному, все и расскажете, только после этого уже живыми не останетесь.

— Да пошел... — Смелый казак схватился за шашку.

Интересно, он рассчитывал, что с трех метров достанет меня? Вот глупый.

Новый выстрел, краем глаза замечаю, как двое из нашей охраны срываются с места и скачут назад, к виднеющимся в темноте хатам. Направляю ствол на последнего живого казачка, но не успеваю ничего сказать.

— Будут многие, и атаман будет, и другие люди... — А этот оказался не железным. Или просто свидетелей не стало, поэтому и не боится предательства?

— Молодец, хоть у тебя ума хватило, — киваю я.

— Ты обещал отпустить...

— Конечно, — улыбнулся я, — отпускаю!

Всадник, не веря, тихо и осторожно начинает движение, направляя свою лошадь в сторону. Звучит новый выстрел, и казак обмякает, завалившись на шею своей животины.

— А я не отпускаю, я же не обещал! — ровным голосом негромко произносит Ванька, убирая пистолет.